

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

**РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В АНГЛИИ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ**

Тексты для анализа

Учебно-методическое пособие

Составитель
С. Н. Филюшкина

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2017

А

Учебно-методическое пособие предназначено для магистрантов филологического факультета очной и заочной формы обучения. Оно представляет своеобразную хрестоматию фрагментов отдельных статей, их циклов, монографий англоязычных литературоведов, критиков, культурологов, начиная с 70-х гг. XIX века и кончая началом века XXI.

В пособие включены материалы, не всегда легко доступные обучающимся, а главное – они снабжены комментариями и вопросами к конкретным текстам, которые могут рассматриваться на практических занятиях или стать предметом самостоятельного изучения магистрантами.

Тема I

ТВОРЧЕСТВО И. С. ТУРГЕНЕВА В ОЦЕНКЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

Генри Джеймс (1843–1916) – по происхождению американец, в 1876 г. переехавший в Англию. Это крупный писатель, критик, теоретик романа, оказавший большое влияние на развитие прозаического искусства в зарубежной литературе. Он прошел сложный путь исканий, в конечном итоге сосредоточившись на утверждении формальных принципов в повествовании. Но поначалу он испытал большое влияние со стороны И. С. Тургенева как в своем собственном творчестве, обращаясь к проблеме героя, бунтующего против социальной несправедливости и кастового общества (роман «Принцесса Казамассима», 1890 г.), так и во взглядах на литературу, на то, каким должно быть художественное произведение. Он пишет развернутую рецензию на роман Тургенева «Новь», а также две большие статьи об авторе в целом. Одна выходит еще при жизни русского писателя в 1874 г., другая – после его смерти, в 1884. Перед нами своеобразный цикл статей о Тургеневе.

не стремится затронуть их со столь различных сторон. Вальтера Скотта занимают приключения и подвиги, примеры благородства и героизма из старинных баллад, крепкий юмор шотландских крестьян; Диккенса широко и разнообразно занимает все комическое, чудачливое и сентиментальное; Жорж Санд занимают любовь и минералогия. Но все они прежде всего и превыше всего заняты фабулой, ее извивами, поворотами и неожиданностями, заняты взятой на себя задачей развлечь читателя...

Что касается формы, Тургенев, как мы уже сказали, лишен этой чарующей своим богатством изобретательности, но по части содержания решительно нет такого явления, которое не занимало бы его. Все слои общества, все типы характера, все степени богатства и нищеты, все виды нравов прошли через его руки; его воображение собирает дань как в городе, так и в деревне, с богатых и бедных, мудрых и дураков, *dilettanti* и крестьян, с трагического и комического, с возможного и невероятного. Он видит все наши страсти и сочувственно вникает в удивительную сложность нашего внутреннего мира. В «Муму» он рассказывает о глухонемом дворнике – крепостном крестьянине – и комнатной собачонке, а в «Странной истории» описывает случай потрясающего религиозного фанатизма. Но при всей его любви менять угол зрения цель у него всегда одна – найти эпизод, персонаж, ситуацию нравственно значимые. В этом огромное достоинство его прозы...

Все свои темы Тургенев заимствует из русской жизни и, хотя действие его повестей иногда перенесено в другие страны, действующие лица в них всегда русские. Он рисует русский тип человеческой натуры, и только этот тип привлекает его, волнует, вдохновляет. Как у всех великих писателей, его произведения отдают родной почвой, и у того, кто прочел их, появляется странное ощущение, будто он давно уже знает Россию – то ли путешествовал там во сне, то ли обитал в какой-то другой жизни. Тургенев производит впечатление человека, который не в ладу с родной страной – так сказать, в

поэтической ссоре с ней. Он привержен прошлому и никак не может понять, куда движется новое. Американскому читателю подобное душевное состояние особенно понятно: появившись в Америке романист большого масштаба, он, надо полагать, находился бы в какой-то степени в таком же умонастроении. Тургенев обладает даром глубоко чувствовать русский характер и хранит в памяти все бывшие русские типы: дореформенных, крепостных еще, крестьян, их до варварства невежественных самодуров-помещиков, забавное провинциальное общество с его местными чудаками и нелепыми обычаями...

«Записки охотника» являют собой превосходный пример того, как нравственное содержание придает смысл форме, а форма подчеркивает нравственное содержание. Эта книга отличается всеми характерными достоинствами тургеневской манеры, включая несколько дилетантскую свободу в построении, настолько полюбившуюся многим читателям, что последние романы Тургенева даже показались им в известной мере, если так можно выразиться, скованными. Из всего им написанного «Записки», несомненно, самая привлекательная его вещь <...>

Последовавший вскоре затем роман «Рудин» может, пожалуй, служить нагляднейшим свидетельством того предпочтения, которое Тургенев оказывает темам, опирающимся на изображение характера — даже, если требуется, непривлекательного характера. У нас не было сейчас возможности освежить в памяти эту историю, но мы не забыли, что в свое время она заинтересовала нас удивительным свойством — атмосферой психологической достоверности, свободной от привычного психологического набора. Тема романа относится к числу тех, которые мало что говорят неразвитому воображению: в ней выведен характер необычайно неровный, неустоявшийся, неопределившийся, идущий в разрез с распространенными романтическими представлениями. Дмитрий Рудин, подобно многим

другим тургеневским героям, оказывается несостоятельным в нравственном отношении – это одна их тех сложных на свою и чужую беду натур, которые доставляют друзьям так много радостей и так много огорчений, которые способны и вместе с тем неспособны на великие дела; натуры сильные в своих порывах, словах, ответных побуждениях, но слабые волей, поступками, способностью чувствовать и действовать по собственному почину. Подобный тип, всегда столь же интересный для людей с богатым воображением, сколь непереносимый для людей рациональных, хорошо известен нам по «Орасу» Жорж Санд, запечатлевшей его крупными, свободными мазками; тургеневский герой – тщательно выписанная миниатюра. Тому, кто не читал «Рудина», вряд ли откроется, какие тонкие штрихи способен наносить тургеневский карандаш. Но при всей психологической проницательности Тургенева, равно как и всей широте обобщения Жорж Санд, их живопись была бы невыразительна, а романы скучны, если бы и тот и другая беспрестанно не заботились о драматической стороне повествования. У Тургенева положительно все принимает драматическую форму; он, очевидно, вообще неспособен представлять себе что-либо вне ее, постигать что-либо в виде голых идей; идея в его сознании всегда воплощается в того или иного индивида, с тем или иным носом и подбородком, в той или иной шляпе и жилете, которые так же выражают эту идею, как внешний вид печатного слова – заключенное в нем значение...

О писателях, пользующихся нашим особым вниманием, всегда хочется узнать больше, чем удастся из их произведений, и многих американских читателей, надо полагать, одолевает дружеское любопытство относительно частной жизни и личности Тургенева. Увы, мы вынуждены сознаться, что наши сведения на этот счет крайне скудны. Из сочинений нашего автора мы заключаем, что его вполне можно назвать гражданином мира, что он жил во многих городах, был принят во многих кругах общества, и притом нам

почему-то кажется, что он принадлежит к так называемым «аристократам духа» и если бы человеческая душа была так же зрима, как телесная оболочка, она предстала бы перед нами, поражая изяществом рук и ног, равно как и носа, обличающими подлинную патрицианку...

Мы позволим себе сказать, что для читателя, дерзающего иногда строить догадки, очарование тургеневской манеры во многом заключается именно в этом трудно постижимом сочетании аристократического духа и демократического ума. Его пытливому уму мы обязаны разнообразием и богатством показаний о человеческой природе, а его взыскательному духу – изяществом формы. Но стоит ли бесцеремонно доискиваться причин, коль скоро так многозначительны результаты? Ведь главный вопрос, когда речь идет о романисте или поэте – как он видит жизнь? Какова в конечном счете его философия? Когда подлинно талантливый писатель достигает зрелости, мы вправе искать в его произведениях общего взгляда на мир, который он столько времени старательно наблюдал. Это и есть самое интересное из всего, что открывается нам в его сочинениях. Любые подробности интересны постольку, поскольку помогают уяснить его символ веры.

Читая Тургенева, прежде всего выносишь впечатление, что окружающее представляется ему в безрадостном свете, что он смотрит на жизнь очень мрачно. Мы попадаем в атмосферу неизбывной печали; переходим от повести к повести в надежде встретить что-нибудь ободряющее, но только глубже погружаемся в густой мрак, листаем рассказы покороче в надежде набрести на что-нибудь звучащее в привычном ключе «легкого чтения», но и они рожают в нас ощущение неких сгустков тоски. «Степной король Лир» еще тяжелее, чем «Затишье», «Несчастливая» едва ли менее грустна, чем «Переписка», а «Дневник лишнего человека» не освобождает от гнетущего чувства, навеянного «Тремя портретами»...

«Но ведь это живописное уныние», – возразит нам любой более или менее горячий поклонник Тургенева. – «Согласитесь по крайней мере, что оно живописно». С этим мы охотно соглашаемся и, коль скоро нам напомнили о блистательном многообразии и мастерстве Ивана Тургенева, кончаем наши придирки. Что же касается доброй стороны его воображения, то здесь, сколько бы ни воздавали ей дань, невозможно переусердствовать, как невозможно найти достаточно похвал силе и неиссякаемости его таланта. Ни один романист не создал такого множества персонажей, которые дышат, движутся, говорят, верные себе и своим привычкам, словно живые люди; ни один романист – по крайней мере в равной степени – не был таким мастером портрета, не умел так сочетать идеальную красоту с беспощадной действительностью. В пессимизме Тургенева есть какая-то доля ошибочного, но в стократ больше подлинной мудрости. Жизнь действительно борьба. С этим согласны и оптимисты и пессимисты. Зло бесстыдно и могущественно, красота чарует, но редко встречается; доброта – большей частью слаба, глупость – большей частью нагла; порок торжествует; дураки занимают видные посты, умные люди – прозябают на незаметных должностях, и человечество в целом несчастно. Но мир такой, какой он есть, – не иллюзия, не фантом, не дурной сон в ночи; каждый день мы вступаем в него снова; и нам не дано ни забыть его, ни отвергнуть его существования, ни обойтись без этого мира...

Пусть в нем переплетены боль и радость, но над этой таинственной смесью властвует непреложный закон, который требует от каждого: учись желать и пытайся понять. Вот что, по нашему мнению, мы вычитываем между строк тщательно написанных тургеновских хроник...